

Александр Гордин

**ГОЛОС
ОСЛЕПШЕЙ ПТИЦЫ**

АЛЕКСАНДР ГОРДИН

**ГОЛОС ОСЛЕПШЕЙ
ПТИЦЫ**

СТИХИ

г. Иркутск

2011

На фото В. Бутакова - А. Гордин, 1990 г.

**Г-5 Гордин А. И. Голос ослепшей птицы. Стихи.
АНО СП. Иркутск, 2011 г. – 80 с.**

Вступительное слово

Эта книжечка стихов – завершает период походов лирического героя по поэтическому пространству, которое создавалось автором с 1979 по 1996 годы. Похождения запечатлены в небольших сборниках стихов, вышедших в свет небольшими тиражами: «Скрипка дерева», «Ночной приют странников», «Язык шершавый сумрака» и вот теперь - «Голос ослепшей птицы». Они интересны как лирико-исторический документ, из которого можно узнать, что происходило с человеком, который был поставлен эпохой, государством в такие условия, когда прежняя система ценностей в СССР постепенно разрушалась и начинала формироваться, теперь уже на постсоветском пространстве, новая. Стихи, вошедшие в эти сборники - отражают этот процесс в душе одного, отдельно взятого, но неотделимого от миллионов других, находящихся в таких же условиях, человека.

О художественных достоинствах и недостатках стихов, вошедших в эти сборники,

автор говорить не может – на это имеют право только специалисты, если они, конечно, посчитают нужным уделить им своё внимание.

Мне же хочется лишь, как всегда, ограничиться короткими репликами в адрес циклов, вошедших в данный сборник.

«Дом, в котором хранятся люди» - своеобразная «поэзия факта», представляющая из себя художественную интерпретацию некоторых ощущений армейской службы и фрагментов поиска своего места в жизни с помощью освоения разных профессий (электромонтажник, помощник бурильщика, аппаратчик и т.п.). Отсутствие рифмы и определенного размера, компенсируется: ритмом синтаксических конструкций; лаконичностью формы; прозрачностью смысла, основанного на парадоксах и других логических приёмах, сходных с определением понятий; эпатажирующей образностью, имеющей разную конструкцию, но в целом тяготеющую к традиционной развернутой метафоре.

«Абсолютный слух ям» - зарисовки с натуры, технику которых можно определить как

смесь поэзии факта с «наивной поэзией», в языке которой может прозвенеть «колокольчик» рифмы, вдруг возникнуть традиционный для российской поэзии силлабо-тонический размер или обыкновенный неуправляемый никем и ничем речитатив, но всё это не принципиально... Принципиально – дыхание, свойственное только этому мгновению, только этому состоянию, а в какой форме оно выражается для автора, полагавшегося тогда на свою интуицию, было не важно.

«Пепел по имени Я» - обманчивая рациональность стихов, вошедших в этот цикл, объясняется желанием героя, уставшего от романтического плутания в своей индивидуальной реальности, спокойно взглянуть на всё происходящее во внутреннем и внешнем мире. Впрочем, это ему сделать так и не удаётся... Но «холодная» рассудительность всё же придаёт стихам некую сдержанность, ощущение того, что человек, превратившийся в пепел, воспринимает всё происходящее несколько отстранённо, как будто бы его сердце

бьётся не у него в груди, а в одной из звёзд, глядящей на него откуда извне.

«Очередь» - миниатюрная поэма, которая определила поэтические поиски автора на много лет. Лирический герой её впервые «закусил удила» и очертя голову, не обращая внимание на ритм, рифмы, попытался писать (точнее – говорить!) так, как дышать. Причём это был не сознательный отход от традиции или авангарда. Просто в этот период автор часто выступал публично, поэтому был необходим определённый поэтический артистизм, выразившийся в разных формах, соответствующих ортодоксальному мышлению «подростка». Подростка не по возрасту, а по ощущению чего-то нового, незнаемого, но требующего немедленного объяснения. Такими «подростками» в бывшем СССР в одночасье стали миллионы людей разного возраста, прошлый опыт которых оказался невостребованным сначала во время перестройки, а затем и в «новой» России. Отсюда некоторая нарочитая грубость определённых образов, лексика, приближённая к

разговорной бытовой речи и т.п. Но, как говорится, слов из песни не выкинешь... «Очередь» - свидетельство открытости, искренности и... ранимости лирического героя. Задиристость и эпатаж этой небольшой поэмы, не имеющей сюжета – форма самозащиты человека, слова которого неловки, но зато откровенны настолько, что порой кажутся *проникновенными* в наше время.

«Голос ослепшей птицы» - кривляние юродивого, убогого (находящегося рядом с Богом), скомороха, примитивизм Нико Пиросманашвили¹, ироническая фантасмагия Салтыкова-Щедрина, дадаизм ОБЭРИУТОВ² и ещё, ещё многое, что не укладывается в какие-то определения «зрячего», т.е. рационально смотрящего на мир человека. «Голос ослепшей птицы» – это голос поколения, которое не знало, что такое «летать», но хотело хоть раз в жизни испытать это чувство, хотя и понимало, что у каждого из них вместо крыльев за плечами лишь их тень. Полететь даже ценою своей жизни

1

2

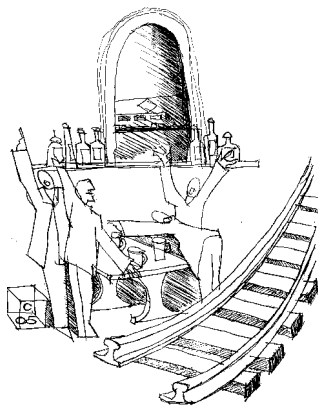
было единственным желанием этих ослепленных судьбой и временем «птиц». И этому желанию их было суждено сбыться. Для многих, увы... Но даже слепая птица – остаётся птицей. Голос её ещё пронзительней и тревожней. А полёт – непредсказуемый, потому что освещён не зрением, а пронизан провидением.

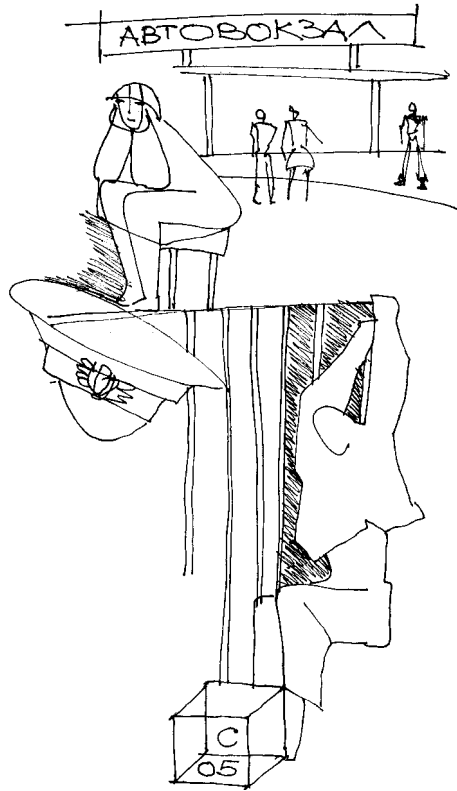
Вот и всё, что можно сегодня сказать об этой книжке стихов.

А. Гордин.

P.S. За пределами поэтического пространства периода 1979-1996 гг. остались: стихотворные тексты для авторских песен, несколько т. н., «одиноких» стихотворений, не вписывающихся в стилистику ни одного из циклов, а также стихотворения, которые в будущем войдут в цикл «Бумажный бог». Их лирико-ироническая тональность, так же как и стихов, вошедших в цикл «Пеньковая лира», представленных в предыдущей книжке «Язык шершавый сумрака» - вступает в противоречие с любым из

стихотворений, написанных в этот период. И дело не в разности формы или содержания. Просто художественный образ лирического героя «Бумажного бога» является одним из авторских драматургических ликов, который ещё окончательно не сформировался. Эта роль ещё не написана и не «сыграна». И сегодня трудно сказать, сбудется ли она в его судьбе вообще...

ДОМ, В КОТОРОМ ХРАНЯТСЯ ЛЮДИ

*Человеческие души –
лучший строительный материал,
потому что:
ветер растет из ветра,
небо из неба.
звезда из звезды.
человек из человека...*

(Автоэпиграф)

1

Безликий город,
огорожен криками птиц и зверей.
Улиц звенящих холсты
густо грунтует хлор
и – смолкает дерев разговор.

А по бледной щеке неба
катится слеза солнца.

2

Я соскучился по самому себе.
Опоздали буквы сложиться в слово.
Опоздали глаза к одуванчику головы.
Опоздала голова к парящему телу.

Я соскучился по самому себе,
подслушивающему стволы дерев,
лучшему выдумщику
таинства чердаков.

Я соскучился по самому себе,
забытому в одной из очередей 80-тых.
Маюсь в полёте калеки.
Но – светает лицо мое...

3

А тело мое брело куда попало:
искало дом, в котором хранятся люди
(душа?)
и маленький островок сердца
(твои губы?).

Но все равно было некуда жить.

Смеялось в осень.
Думалось в голову.
Плакалось в ладонь.

И смирный день лежал во сне.

4

Мои руки – жилистые ветви инжира.
На голове частица неба.
На груди волны моря.
Одет кавказкой пылью.
Моя спина
не темнее лица бедняка мусульманина,
склонившегося над бахчой,
которую он, как дождь и солнце
учит жить.
Только вместо мотыги
у меня в руках пулемёт,
А в сердце короткое как выстрел
слово «долг».
А в душе парит

мыльный пузырь государства.

5

Цепь из живых людей
на потрескавшейся груди земли.
Смертельными светлячками трассера
зашиваю черный саван ночи.
Репетиция убийства.
Даже маты, застыли куском слюны
в глотке.
Даже сухпаек грызем,
как раскаленный кирпич.
А на зубах похрустывает
наша юность...

6

Мне вторые сутки кажется,
что голова моя – сапог.
Память мою – дневник –
я вчера бросил в пасть унитаза:
приказа думать не было.

Я учусь за сорок пять секунд
«ослабоняться» от себя,

умеющего видеть не в прицел
и любить,
не прострелянное пулями небо.
Ведь приказа думать не было.

И вот уже утро проглатывает луну.
А мне все хочется леденцов звёзд
С неба
и с фуражек.
Но!
Это запрещено Уставом.
Скоро на спусковой крючок автомата
ляжет потный палец нервного полдня.

А приказа думать, всё ещё нет...

7

Луноподобные азербайджанки
несли чуреки в своих медных руках.
И лепешки, казались
древними пергаментами.
И мы склоняли
дула своих автоматов.

И клали в свои подсумки
сердца-абрикосы.
И очень хотели,
чтобы наши сверхзвуковые самолёты
быстрее превратились
в самых обыкновенных
тихолетных птиц.

8

Душная ночь с глоткой лягушки.
Предсмертный поцелуй персика.
Глоток воды из фляжки гор.
Хочет куда-то личное сердце.
Впереди ляжка головы майора.
Но даже клопы на «вертолете»³ ГУБЫ,
уже не смогли прервать
нашего полёта,
начатого из люка АН-2
второго августа 1975 года.

3

9

В бригаде было все поровну:
полусапожки, нефтешка,
всевышний, который посылался на ...,
иллюминаторы МИ-8,
глядя в которые
мы начинали понимать
размеры нашей вшивой жизни.

Так начиналось пятидневное
осознание себя бесконечностью...

10

Я зонтом зачерпывал ветер
и воображал себя парусом.
Я зонтом цеплялся за небо
Иипридумывал себя парашютом.
Я зонтом сдерживал горизонт
и был уверен, что стал стеной.

А я – всего лишь дырка человека...

11

На краю неба
висит краюха хлеба
(говорят, луна!),
Но кусают ее только птицы,
с грустными человеческими лицами.
«Ещё бы! Это пища богов!» -
комментирует Иванов,
почесывая затылок,
в котором, вместо опилок,
как предполагают некоторые:
шепотка улыбки,
лоскуты снегопадов.
И звучит
радостная свирель первого дождя...

12

Смерть Брежнего нас настигла
в Усть-Илимском аэропорту.
Кто-то уже провел между нами черту,
но это еще
в местном буфете не ощущалось.

Сдержанно обматерив покойника,
голод утолили хлебом и консервами.
И презрительно стали ждать указаний,
как нам лучше стать счастливыми.

13

Если бы мой язык был
единственной струной
и тогда бы, научил скользить по нему
смычок осенних дерев.
Давайте, поучимся доброте
у этих слепых, но нежных слов,
умеющих без умысла рождаться,
разрывая коросты губ.
И, бесприютно, ждать себя во всем.

14

М.Гординой

Моя жизнь на живуличке твоих губ.
Подхожу к тихому платью дочурки,
волна которого застыла на стуле.

«Гули-гули», - галдят голуби за окном.
Потом и мы погуляем,
а сейчас, спи тихонечко мое сердце...

15

Осень-шелестиха
в платье тихом,
руки со спины на глаза кладет.
Угадай, кто пришел?
Ветер мне подсказывает -
погремушкой листьев,
небо –
языком журавлиного клина.
Синицы на плечи садятся.
Торговка машет у носища
серебряным слитком омуля.
Ну, как тут не слукавить:
«Знамо дело, девонька,
Гулены ль не признать?».
И весь вечер женушка,
женушка-молодушка
губки дует красные.
А я гляжу,

гляжу в ее глаза и вижу,
как листья падают, падают...

16

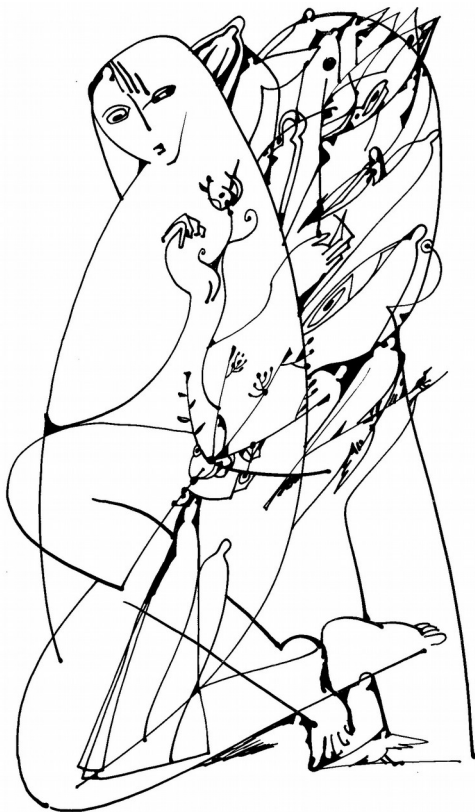
Глухари на Катанге⁴
с ума сошли –
хохочут и пляшут на ветках.
А мы, в толстых катанках,
среди илимской тайги,
примерзли накрепко к рассветам.

17

Конец августа.
Скоро листья, как слезы
будут течь по лицу.
И просветом останусь
в осеннем лесу...

1982-87 гг.

4

АБСОЛЮТНЫЙ СЛУХ ЯМ

1

Как, заигравшийся мальчик до вечера,
в речь родичей вхожу.
Кубик-рубик верлибра в руках держу:
пытаюсь сложить
мгновения в вечность...

2

Осень.
Жёлтое подаяния сентябрьских берез.
Тоска по бессоннице –
светанию лиц!
Ностальгия, прозревающих слепцов,
щеголяющих логикой
кодексов и законов.
Алогизм нищих в песцовых шапках.
Абсурд,
ощетинившегося штыками
рук большинства.
И вновь я – пришелец в себя.
После странствий

за ширмами автобусных дверей,
сочиняю:
«До, ре, ми, фа, соль, ля, си ...» -
для страны
с абсолютным слухом ям,
в которой умеют играть,
лишь маленькие оркестрики сверчков.

И я не знаю, что такое сюрреализм!
Есть только жизнь и смерть.
То и другое доступно поэзии...

3

Посмотри, кто там в окне.
Может быть, женщина,
у которой столько рук,
сколько снежинок в поле!
Может быть, это кто-то рассыпал
миллионы своих незасыпающих глаз.
А может быть, это мерцание свеч,
в затопленном нами храме?
Посмотри в окно.

Товарищ женщина,
отчего у вас лицо из камня?
Глаза лишь только обнажены, как плечи.
В них – осторожных – безбожие.

Товарищ женщина,
отчего ваши пальцы
не лучики во тьме?
А сосок груди не родник,
утоляющий жажду идущим?
А мужчина на вас –
не пена морская, а парус.

Товарищ женщина,
отчего ваше платье скроено
из утренних газет,
а не из листьев и ветров?
Расскажите мне,
умирающему подле вас дереву,
отчего мы так унижительно братья?

5

День, с расплавленным виском солнца.
Птичий профиль старушки в жакете.
Длинный ряд торговок,
лихо нянчащих
в своих колясках пучки черемши.
Змеиное тело поезда,
загипнотизировано семафором.
Морской пехотинец в хаки,
державший руку девушки,
как автомат калашникова.
И я, получивший трехдневный урок
ветров Байкала,
соскальзываю в джинсы и кроссовки.

Завтра снова просить подаянье у книг...

6

Прощай, мой голос!
Беспощадно голо в моей груди.
Ни птицы, ни облака,
ни киоска с цветами,
ни опоздавших трамваев,
ни женщин с сумками –

лишь одна красная кумачовая нежить.
Да, твой поцелуй,
замерзнувший в красном гнезде
моих губ.

Прощай, мой голос...

7

Во мне живет стихотворение,
как живет в подъезде
бездомный котенок.
Оно тычется
по холодным углам моих глаз.
Дрожит, как одуванчик на ветру.
Лакает солнце из блюдца неба.
А мне все не до него и не до него:
оттачиваю о камень сердца
лезвие крика,
примериваю петлю раздумий,
Медленно умираю
от движения снежинок.
Но ничего не помогает:
по утрам просыпаюсь живой!

Во мне упрямо живет стихотворение.
Не приютить ли мне его
в своей тетрадке?

8

Вызываю на поверку себя.
А ко мне приходят:
веселые блудницы из юности
(у каждой мое сердце в руках!);
стихотворные глупости,
похожие на невесомые облака;
бабушка с иконою Богородицы;
целый огород,
где между грядками батуна
и кустами крыжовника –
муравьиные домики,
с хозяевами которых сдружился я.
А так же майор, глухой к стихии чувств,
кричащий: «Отставить!».
А еще друзья-поэты,
правлящие, как свое либретто – меня!
У каждого из них в кармане
сухарик слова:

«Ра-а-вняйсь!».

А я все думаю, как мне ночью страшно,
стоять по команде «смирно!»,
среди звезд,
зияющих в небе и во мне,
как пулевые пробоины...

9

Ночью дерево
смотрелось в зеркало луны.
А днем, важно, пускало
золотистый пузырь солнца.
Но вот пришел человек
и сделал из него листок бумаги.
Теперь на нем отражается весь мир.

10

Губы, губы, губы...
Руки, руки, руки...
Не ветер – а дыхание.
Не рассвет – улыбка.
Не песни, не книги, не деревья и птицы –

а люди, люди, люди...

Не по языку-дороге –
по двум тропинкам глаз.
Не на лбу площади –
на поляне сердца.
Не над пропастью рта –
на лучиках ресниц.
По оврагам морщин –
слово, слово, слово...

11

Неправильный акrostих

О, ночь!

Л

Бешь в душу туюю холодной струей
Голых дерев, комнат пустых,
недочитанных книг.
А разве мы виноваты,
что раздали друзей

Городу, жадному, как миг?
Обуты, почти одеты и сыты,
Родней считаем бродячих псов.
Дорогая, прости! Ты
Идеальная жена: все завтраки слов,
Недоваренные в этой великой ночи,
Ангельски покорно ешь...

12

Всё! Решено - живу подаяньем!
Несите скорее, друзья,
вино, книги, закуску –
просеем через решето полночного неба свои
души!
В потешные выберем
кого-нибудь из политиков.
Покажем фигу в брешь окна,
зазевавшимся девчонкам:
им еще рано играть в решку тела.

Все решено: начинаю жить грешно,
как голубь, клюющий с ладони пшено,
как взъерошенный пес

с оборванной цепью.
Что ж, погромыхаем ещё и ещё цепью,
состоящей из звеньев слов «свобода»,
выглядывающая из будки своего лица...

13

Мне в лицо –
людских голосов гул,
как тополиный пух.
И вновь во рту, растёт: «Агу!».
И вновь, касанье губ Слепух.
И вновь, слова на серенькой бумаге,
как листья, гаснущие на асфальте.
И снова,мышь летучей ночи
поймал силком груди.
А завтра, просыпаться в песне –
Песочными часами тени.

Пора!
Последняя слеза,
упавшая из глаз,
зовет!
Нам надо расставаться,

что б трупик стихотворения
зарыть в тетрадке...

14

По всей моей душе –
вновь сквозняки вождей,
как трав умерших почерки.

И песен больше нет.
Лишь лицепад кумиров,
как черный листопад черновиков,
пролистанных свечой.

И все – безочье.
И я – ночей чернорабочий –
иду по улице с лицом своим.

Мне больно, но легко...

1985-87 гг.

ПЕПЕЛ ПО ИМЕНИ «Я»

1

Я потерял свой образ.
Закончена раздача лиц.
Как рубль измятый,
падаю в созвездий пыль.
Теперь я научился это понимать.
Не обмануть меня колуном,
мерцающим как скальпель молнии.
Не обмануть меня телом возлюбленной,
скользящей по мне лунной волной.
Не обмануть меня смертью,
подсовывающей холодные тела близких.
Я ищу встреч в лабиринтах
пытливых глаз.
Я ищу встреч
с теми, кто вложил в мои уста
эту молитву,
со стрекозиными крыльями строк.

2

На столе багульник
в бутылке из-под кефира.
Я наливаю воды в нее
и помогаю ему выжить.

У меня розы на книжных полках в вазе.
Я не наливаю в них воды,
чтобы они вечно были живы...

3

Тяжко в невежестве своем.
Птицы многоголосые,
встрепенулись в душе моей.
Колоколу равно небо.
Расстояние – боль расставания,
когда, облачившись в бессонницы,
дрожащей строкой
восхожу в душу твою, Господи!

Триптих на день рождение Оле

I

Апрель начинается в нашей комнатке
стебельком Маши в кроватке.

Загадки наших снов отгадывает день.

Тень их мелькает всю жизнь
между нами.

Нам преподает урок СЛОВА дочь:

«Нихочу, куки, цыты, баки...»⁵.

А мы же – «каки», вторим ей:

«Зарплата, очередь, талоны...».

Но капель! - И мы не в соре,
хотя негласно спорим
кто лучший Машин ученик.

5

II

Я хотел придумать стихотворение,
а получилась дочка.

Я хотел написать поэму,
а пришла весна,
и мы с ней начали подумывать
о книжке стихов...

Но как ее издать
на листках подгузников,
когда шрифт листьев,
рассыпан на первом снегу
и уже сверстана зима?

Но мне совсем не страшно
в тени твоей...

III

Если бы мой язык был
единственной струной
и тогда бы, научил скользить по нему
смычок осенних деревьев,

чтобы слышать музыку
твоего сердца.

5

Птица ходит по небу вниз головой.
Машина, надувши шины,
вполне нормально летит по земле.
И только дерево,
напившись хмельного дождя,
стоя – поёт...

6

Слушаем.
В нас (раз родившихся)
завязи звуков продолжение ищут.
Тихо. Слушаем.
Ноги и руки растут. Слышите!
А с ними ростки безответных стихов.
Слушаем,
и – слушаемся небо и Землю.

7

Боль моя или облако
обняло лес и горы.
Дождиком долго помнили.
Птицею в городе слушали.
Здесь, где-то у улиц в горле,
звучит радость моя и горе.

8

День растопорщил рваные крылья дерев
в гортанях улиц.
Мелькает в лужах чей-то взгляд.
Прозрев на солнце, чердаки гуляют.
Двигается ветер с Севера на Юг.
Подумалось:
«Как же будет на языке трав «мама»?».

9

Брусок лица.
В глазах окружность ночи.
Узкое кольцо рук.
Лезвия губ нацелены.

Один взмах и -
одинокчество...

10

В дырку колготок моей ненаглядной
сегодня сквозил ветер теплых пеленок.
Пленные ноги её – крылья бабочек,
два луча из тьмы.

О, если б не сумерки стихов!

11

Высь отворись!
Мысль сотворись!
Срывается ливень -
сбывается дерево.
Срывается слово –
сбывается человек.
И тени трав встают
на тоненьких ногах,
что б тело неуклюжее твое,
чуть-чуть приблизить к небу.

12

Дома, нахлобучив крыши,
слышат,
как, по гнезду неба,
колеса облаков
катятся, катятся, катятся,
словно, слезы у слепого по лицу...

13

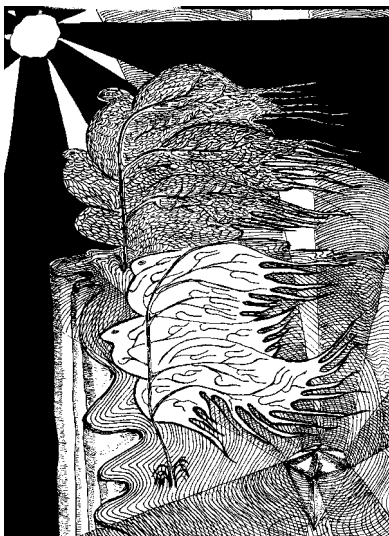
Большая кошка сопки –
с красным ртом нашего костра.
Ее гранитные лапы – на берегу Байкала.
А черный хвост,
задран одинокой лиственницей
в небо.

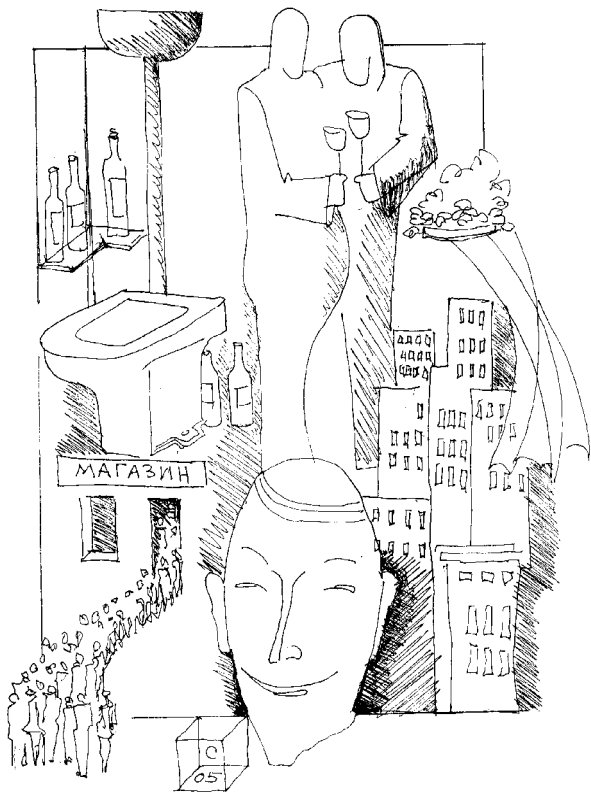
14

Когда меня прокалывает дождь,
когда вечер до боли не вечен –
шорохи растут.
Где-то слышится «гу-гу».
Где-то – «тук-тук».
Тут – улыбка.
Тут – дерево.

Испуганным листком,
прижимаюсь к твоему плечу...

1993-1996 гг.

ОЧЕРЕДЬ

1. Вступление в осень

Конец лета.

Зреет яблоко рассвета.

Кажется, песенка спета...

Глоток неба глоткой окна
комната пьёт.

А мне бы ваших глаз вина,
на прощанье, когда ваша Весна...

Будьте проще.

Пожалуйста, проще!

Черной вороной в белой роще,
белой вороной в чёрной роще,
ежли человеке в вас ропщет,
вообщем...

Вооружайтесь гитарой
(та-ры-ба-ры рас-то-бары!),
шляпу не забудьте надеть

(поэтом быть так надо!)
и все в порядке:
читатель – зритель!
Он весь у ваших ног!
Зато, что раскусить не смог:
ни вас, ни яблока рассвета,
что ваша песня кем-то спета...

Увы, конец лета.
Вся природа идёт на слом.
Лишь дождик ещё обнимает ваш дом,
да, ветер кашляет в старом саду –
я к ним пошептаться без шляпы приду.
Желтые листья пройдут по лицу,
и - просветлею в осеннем лесу.

II. Картинки

Кто-то плюнул в небо.
Вот и – солнце!
Бродячие ходики трамваев
отсчитывают мирное время.
Обрывки газет на ранах луж.

Чей-то примерный муж
идет по своей дороге в Рим.
Он заботой об ужине одержим,
сорвавши получки куш.
В раме осени женщин лики.
Мы к этому как-то привыкли.
А это вернулся к нам вновь Нико⁶.
Спросите его:
«Как поживаешь, брат?
Среди дворников и нам нелегко.
Что ж, клеенки твои на столах лежат?».

И пишет художник
худых обнаженных женщин:
их все больше,
а художника – меньше!

И снова поэт, впадая в слабость,
хочет нравиться косою и лентой.
Право, простите заумного барда –
у него еще Лето!

6

Длинные очередей языки
торчат из горла улиц.
Выплывают слова.
Слизывают шершавыми ногами
скорлупу орех, жженые спички.
Шелестят, как листва, шаги...
Может быть, это не люди,
а листья?

Склоняюсь ниц
перед каждым лицом немым,
и слушаю, слушаю, слушаю,
пока уши мои
не превращаются в небо,
подслушивающее меня.

А в это время
трубы мечтают деревьями стать.
Прорастают ветвями дымов.
Но мимо звезд их руки текут.
Дождями скучными осыпают небо.
Засыпает оно на земле
кислотной лужей.

И щель горизонта все уже.
Ну, что же будет потом?
На тополях воробьиный Садом,
мои вечные туфли с кривым каблуком,
дождь, пришедший в наш старый дом,
кашель ветра в старом саду
и еще –
я куда-то без шляпы уйду...
Будут листья стекать по лицу,
И вновь - просветлею в осеннем лесу.

III. Считалка для взрослых

Этот счёт не в счёт,
Для тех, кто счёты сводит.
Деревьям предъявляйте счёт,
что в городе Усолье бродят.
Ручьям, укравшим снег.
Друзьям, тревожащим во сне.
Любимой, чьи руки
оппадают на плечи, как листва.

И так начнём!

Раз, два, три!
Смена закончилась –
пиво смотри.
Четыре, пять –
в очередь встать!
Шесть –
эй, кто же крайний здесь?
Семь –
в очередь, в очередь всем!
Очень интересное мероприятие,
через банку пива – мира приятие!
Восемь –
придёт время – обезволосим,
будет уже щемящая Осень...

И снова, как и прежде –
с краю.
И снова, как и прежде –
крайний.
И снова, как и прежде –
на краю.

Давайте, в жизнь смешную поиграем!

IV. Очередь

В очереди люди смешаны.
На шмотках, книгах и вине
помешаны.

А, вроде, облака
для всех подвешены
и лозунги на фонарях -
повешены.

Так в чем грешны так мы?

А очередь нервная очень:
всем срочно вперед!

И, между прочим, это – народ...
Тот самый, который пива хочет,
который поест охочий,
И пишет стихи, что есть мочи...

А ты вечность на месте стоишь –
ни на шаг не продвинулся.

Кто-то впереди,
горизонт подвинувший, хрипит:
«Я не люблю, когда стреляют в спину!».

Ты же в затылок дышать привык...

V. Крайний

По улице шел человек,
прислушиваясь к себе.
Непонятен был его слов разбег:
казался многим нежней и мудрей...
Предпочитал называть себя «Идиотом».
Всю жизнь, проваливался в дыры спин.
И, впереди, каждый раз,
становился кто-то.
И был он всегда, неизбежно, один.

Так придумывал себя Я.
А ко мне,
совсем не понарошку,
подходили всамоделошные
дяди и тети и говорили:
«Разреши, друг,
Сегодня моя очередь быть счастливым!».

«Сколько ворон вместит мой рот?!» -
не хотел думать Я.
И упрямо записывал:
«Крикливые руки

у летающих птиц не бывают!».
И кончился блокнот.
И закончился день.
И прекратилось что-то во мне.
Но это не конец!

Ведь надо еще
столько быть последним....

VI. Ночь

За окном свершилась ночь.
Совершенно звучание звезд и туманов.
Как же ей, такой огромной и неуклюжей
в моей маленькой судьбе?

Ах, какие мокрые листья!
Как острием капли,
касается, случайно, тень лица.
Неожиданно останавливаюсь
И...
О, да это дождь!
Что же вы спите, люди!?
Вставайте! Пора!!

Дорогие мои,
родные и неродные,
чутьочку друзья,
чутьочку враги,
прошу вас, чутьочку Я:
срочно не спите ночью!
Слышите,
дождь у ваших окон дрожит?
И деревья похожи
на больших бездомных псов.
Выйдите.
выпейте из чарок-ладошек
этого лепета, отбродившего лета.
Хорошая примета –
безумством себя метить.

Да! – Босиком по лужам,
когда в конторе солидной служим,
когда мир до газетной полосы сужен,
когда скучному городу этому
– суженый.
Когда...
В доме своем – пришлые.
Огородились стенами.

Прикрылись крышами.
Ого-ро-ди-лись!

Я не хочу ничего в очередь!
Даже осени!
Становитесь – пропускаю вперед.
Успеть бы к себе –
Человеку,
Дереву,
Птице...

1987 г.

ГОЛОС ОСЛЕПШЕЙ ПТИЦЫ

1

Моя голова живет под шляпой.
А что еще нужно голове?
Не продырявиться дождем,
не мячиком по траве,
потому, что у ушей
доверчивых в лапах...

2

В дупле моей гитары
прячется моя юность.
Дули мне кажет!
Артачится, когда рукой ее хочу достать,
а сама там до гула дурачится.
То ей плачется, то – смеется.
Откуда в ней столько снов?
И упрямство, почти сиамское!
Хоть не приближайся
к шестиструнному дереву:
«Хам-сам!» - растут голоса.
Весьма умному мне, конечно,

потешно это, но все ж
неудобно перед знакомыми...
Где ж им, не бездомным,
голова катящим клубок,
понять, что это вовсе не дупло,
а простреленный мой висок...

3

Я подчиняюсь,
лишь солнца вожделению.
Невежда, на ветер иду лицом.
Ртом луны выпиваю ночь.
«Прочь!» -
шепчу на богов и даже Ленина, -
«Тени, иногда, становятся
больше людей. Прочь!»
Хотя в гнезде его кепки,
крепки птенцы с языками знамён,
влюбленные в красные перемены.
В венах наших –
голоса птиц ослеплённых.
Слеплены деревья из рассветов
и решён стон поколений

словом «измена».

Измена?

Дождь изменяет снегу.

Зима – лету.

Свету – тьма.

И изменам предела нету...

4

Философ Иван

наливает в граненый стакан

мелодию булька

и напевает:

«Ни шиша, ни шиша –

Мы еще живы!

Мы еще любим!

Брейком бредим,

побрякиваем будней бубном.

Детей вовремя для школы будим,

и – будем!

Еще долго здесь будем...».

А у клёнов в голове

зеленые листья шуршат.

Еле шевелятся тени в траве
и, по стенам, ползут на крыши.

А дома уже еле дышат...

5

Победа совпала с весной.
Пообедав первой окрошкой.
Немножко пойдем посмотреть
салют с тобой.
И отчего-то каждому хорошо...

Другой, криком «Ура!», дырявит небо.
Нелепо ракета бьётся об облака.
И отчего-то каждому хорошо...

Потому ли, что скоро лето.
А мы уже пьём
последний глоток из реки Лета⁷
и, только тогда себя вспоминаем,
когда других поминаем.
Но отчего-то каждому хорошо...

7

Ведь непонятно:
победят ли наши еще...

6

Полночь крадется луной.
Полно, полно –
пора бы проснуться!
Но и во сне
тело заканчивается головой...
Голодно ей.
голо и холодно там:
ни травинки, ни снежинки.
Скоро зима.
Пью, не проснувшись, горлом рек,
одинокчество неба.

Полно, полно –
пора бы проснуться.
Но в пещере головы
пищат глаза –
голодные и жадные птенцы.
Оживают стебли теней.
Коль, сплю,

подойду и спрошу дерево:
«Кто ты?».
«Ты, ты, ты...» -
оно глухо, в ответ, простонет.

И – выпорхнут глаза...

7

Хребтом он слушал речь дерев.
Вдруг, по-телячьи озверев,
мычал слова. То, хвост поджав,
смотрел округ, всех напугав
нечеловеческой тоской.
То хлопал, как крылом рукой.
То, в жажде, языком лизал
сосуличный весны оскал.
То, вдруг, ногою в мох нырял
и головою в небо прорастал.
В итоге, завершилось все:
погасло синее лицо,
он принял горизонта вид –
душа мертва и не болит.

8

Недурная собака Тимка,
длинно слушала ливень в саду.
Сяду рядом, послушаю то же.
Лежа лужа лежит.
Стоя дождик бежит.
«Жи-жи!» - машина жужжит.
Воробей очень хлебной корке рад:
хохочет, хлопочет,
отобрать очень хочет
её из цепких пальцев струй.
«Гав! Не балуй!» - сказала собака.
И скрылась длинноногая туча...

9

«Иду на Вы!» - сказал я небу,
Нелепо вскрикнув: «Посрамихом!»⁸.
За хвост схватил луняву репу,
отошедших, обругавши лихо,
без дыха замертво упал.

8

Толпа кричала: «Ишь, паршивец!».
Партиец брови хмурил: «Враг!».
«Дурак...» - шептал делец плешивый.
Точивший шило, вопил: «Ура!».
А я лежал и думал глупо:
«Ах, Глупово мое, ты, Глупово.
От роду Беззаконовахом⁹ лупим
себя же. Слепо-роды!
Ну, кто же строит на костях?
Ну, как же думать можно строим?
И в чьих заоблачных краях
от крови руки мы отмоем?»

10

Ах, белый свет такой пригожий:
цветёт, цветёт... И - стебли розг!
Вот лик любимой. Глянь, ан – рожка!
Вчерашний враг – сегодня бог.
Но хоть весна ты – арестантка,
я безнадежно счастлив:
душа, с разбега, наизнанку
всех страждет! Не опаслив.

9

Березы без штанцов в рассвет бегут
и жить так сердце хочет...
Но мой палач уже во сне
топор слепой свой точит...

11

Печальная раса себяедов –
головой о стенку тысячелетий!
С душою-хохмой, с душою-бредом
вступаем в совершеннолетье.

Ворох неба на скорбной вые –
для любителей солнце ловить мешками.
Пока нам стыд глаза не выест,
слова не сделаются стихами.

И снова козла в тесте топить!
Волка, производить в попы!!
А для тех, кто хочет себя переплыть –
Прочнейшие люльки - гробы...

И встречаем рака колокольным звоном!
Конопатим остроги блинами!!

Делимся хлебом, улыбкой и стоном,
И не помним, что было с нами.

12

Ну, вот и всё. И снова – тихо.
Лишь дворники Нико¹⁰ метут,
Держа, как пики, метла лихо:
И кровь то там, то тут...

13

Русский Гамлет

*Памяти
В.Высоцкого*

I

Поэт, поэт!
Клинок гитары твой –
Покой обрел в ножнах
посмертных книг.
Меж строк –
висок твой и язык, оборванной струной.
Поэт. Поэт! – Не на покой

10

прибой толпы людской
печальный чёлн несет...
Чу! Кто на Ваганьковском поёт? -
Полёт не прерван и судьбы рукой.

Поэт, поэт! Твой смех и хрип
о стены рушился и стены разрушал!
И ты, поэт, не умер, а - погиб.
Но смертна ли душа?

II

Какая чушь! –
«Лечу!» - кричать.
Свеча в руках у глаз. Молчу.
Не крылья – тень свисает от плеча.

III

Можно песни писать о любви:
любы не любы другим,
лишь бы по сердцу ей!
Просится слово звучать. - Позови!
Излови на улыбку. Будь не моей.
Но недолго. Всего лишь столетье.
Плети рук, научу я ветвями быть.

Жить людским поцелуем
мгновенное лето.
Рассвета касаться, шепча:
«Мы – не рабы!»
А если окажешься ты русалкой
грустной, иль ведьмой весёлой –
сёлам сибирским, просёлкам русским,
я подарю тебя мавкой новой.
И, черта с два, нас смерть разъединит!
Едины были мы
и бритвою границ изрезаны!
Сквозь срезы неба дождь саднит,
чтоб вновь взойти
российскими березами.
Такою же берёзкой и ты мне чудилась.
И чудо! В меня ты проросла,
сквозь ливни хриплые моих причуд,
такой же светлой, как была...

IV

Мой бубен головы – царей потеха:
без смеха и без слёз – не зазвучит!
Но, заучи рассвет, и жди без спеха

успеха, лежа на печи.
И рожи корч на улицах проходим.
Похожи очень лица у людей:
злодей ли, ангел ли, но всё же
он может маской быть твоей.
И что останки лиц, коль скоро
измором взяли стольких всё ж?
Не трожь задрипанных заборов
и говорков сибирских дрожь!
Не трожь безкрестых, недобитых,
раскрытых настезь для копыт!
Слепы? – Слепы! И не проси ты,
убитый, чтобы был отрыт.
Не трожь, раб божий! Нам не гоже
ни лежа пить, ни стоя пить свинец!
Века прошли, обшитый кожей
другой, но – царствует скопец!
Как книги полыхают домры.
Не вздор ли у шута язык?
Слезы не выронят соборы,
когда им вырвут медный крик.
Одно осталось нам – блаженство!
Уже ль и звоны бубенцов
кольца их рук не разорвут? Коленцем,

под зад, мы потчуем рабов...
И – колесом по сердцу!
Усердствуем, гороховые, в буднях!
Не блудни мы, а - воскресенцы!
Не голова у нас, а бубен!
Коль завтра будет понедельник –
неделю мы начнем на лобном.
Свободны мы? – Свободны!
Взмах – и гений!
И бубен катится
к ногам царей незлобно...

V

Ищу пространства,
упрямства волн.
Воловьего похуже рабства,
сей ветряный себя разгон.
И это тьма, и этот свет,
во сне и наяву,
(реву и скрежещу зубами!), как бред,
как след клинка... И я зову
сквозь вечность, через смерть и жизнь:
«Кружи меня, мой шар земной,
мною созданный! Служи,

рапира голоса
колом и колоколом,
коли еще свободы поросль
под сапогом! И день
расколот колуном передовиц!».
Передавив тупым концом своих голов,
отлов, закончив гордых птиц,
о жизни, вдруг, мы не жалеем слов.

VI

Но вот и плутням слов моих
настал черед сказать: «Пш-ш-ли вон!»
Вот – тот! Вот – эта! Я – скоморох,
но я - не псих...
Я – вечный русский Гамлет. Поражён
мучительным раздумьем:
«Быть или не быть?».
В себе я прячусь от себя и от толпы.
Слепы, кто счёл меня потехой.
Хотя, без смеха и без слез, глупы
и короли, и нищие с успехом.
Отныне, голос свой я вам вручаю!

Пусть сей рапиры звон
кровь не прольёт! Метафорой мерца,
лих иль коварно тих мой стих, но он –
всего лишь маска, за которой скрыта
щепотка слов английского пиита:
«Я вам себя с любовью поручаю.
И всё, чем только может бедный Гамлет
Вам выразить свою любовь и дружбу,
Даст Бог, исполнится. Идемте вместе;
И пальцы на губах, я вас прошу.
Век расшатался и скверней всего,
Что я рождён восстановить его! –
Ну что ж, идёмте вместе»¹¹.

14

Воздух пустой,
как желудок бездомной собаки.
Пустите меня на постой
в душу вашу поплакать...

11

М.Гординой

Окрест меня – бессониц тысяч.
О, Заочье ¹² моё –
страна со стеною ночи!
Грозятся плетями стихов моих высечь
всех тех, кому слово противно «учи!».

Приветствую вас, идущих вперёд
затылком! Во имя великого «Да!»,
взирающих в прошлое! Гордый народ:
кому мысли – крапива,
а кому – лебеда...

Мне понятна ненависть ваша
к дрессировке песен и снов.
«Мой шарф до свидания машет
листве!» ¹³ - и, от этих дочуркиных слов
окрест меня – бессониц тысяч.
О, Заочье моё – страна со стеною ночи!
Тут впервые отверзлись мне выси

12

13

в глазах у дочери:
в них Бог, изумленно, молчит...

16

Слеза луны. Формула нашего счастья: «Да!
Нет!».

Прямая линия, цель.

Ночь шевелится в книге.

Упрямо лечу на черный свет
букв, в кармане спрятав фигу.

Даже милиционер не отрицает:
«В начале было слово!».

И что дождик,
словно перестук каблучков.

Словом, хождение по команде сломано!

Но «извозчики» во власти
еще у своих облучков.

А вот со скрипкой голоса пилигрим.

Его держит на ладони своей ночь.

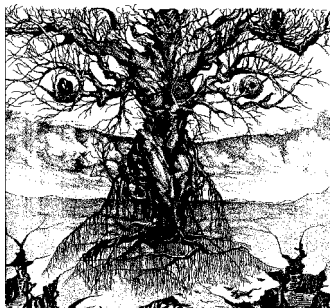
Слава тебе, сочинившему гимн
женского тела, чтобы себя превозмочь!

«О, упругие соски,
в которых затаилась жизнь!»

О, бедра – два полушария Земли!
Всё это так неприлично хочет жить,
что не замечаешь судорог зимы...». Видимо, наконец-то, глупею от счастья.
Вот уже, делаю голубя
из своей рукописи.
Вот уже, отдаюсь листопаду.
И, как «здрости»,
кричу всем Апостолам:
«На-ка, выкуси!».

Лечу дальше...

1988 -1993 гг.

Содержание

Вступительное слово	3
Дом, в котором хранятся люди	11
«Безликий город...»	11
«Я соскучился по самому себе...»	12
«А тело мое брело куда попало...»	12
«Мои руки – жилистые ветви инжира...»	13
«Цепь из живых людей...»	14
«Мне вторые сутки кажется...».....	14
«Луноподобные азербайджанки...»	15
«Душная ночь с глоткой лягушки...»	16
«В бригаде было все поровну...»	17
«Я зонтом зачерпывал ветер...»	17
«На краю неба висит краюха хлеба ...»	18
«Смерть Брежнего нас настигла...»	18
«Если бы мой язык был».....	19
«Моя жизнь на живуличке твоих губ...»	19
«Осень-шелестиха в платье тихом...»	20
«Глухари на Катанге с ума сошли...»	21
«Конец августа»	21
Абсолютный слух ям	23
«Как, заигравшийся мальчик до вечера...»	23
«Осень. Жёлтое подаяние ...»	23
«Посмотри, кто там в окне»	24
«Товарищ женщина...».....	25
«День, с расплавленным виском солнца»	26

«Прощай, мой голос!»	26
«Во мне живет стихотворение»	27
«Вызываю на поверку себя»	28
«Ночью дерево смотрелось...»	29
«Губы, губы, губы...»	29
Неправильный акrostих	30
«Всё! Решено - живу подаяньем!»	31
«Мне в лицо – людских голосов гул»	32
«По всей моей душе ...»	33
Пепел по имени Я	35
«Я потерял свой образ»	35
«На столе багульник...»	36
«Тяжко в невежестве своем»	36
Триптих на день рождение Оле	37
«Птица ходит по небу вниз головой»	39
«Слушаем»	39
«Боль моя или облако»	40
«День растопорщил рваные крылья дерев»	40
«Брусок лица»	40
«В дырку колготок моей ненаглядной...»	41
«Высь отворись!»	41
«Дома, нахлобучив крыши, слышат...»	42
«Большая кошка сопки...»	42
«Когда меня прокалывает дождь...»	42
Очередь (поэма)	45
I. Вступление в осень	45

II. Картинки	46
III. Считалка для взрослых	49
IV. Очередь	51
V. Крайний	52
VI. Ночь	53
Голос ослепшей птицы	57
«Моя голова живет под шляпой»	57
«В дупле моей гитары...»	57
«Я подчиняюсь, лишь солнца вожделению»	58
«Философ Иван ...»	59
«Победа совпала с весной»	60
«Полночь крадется луной»	61
«Хребтом он слушал речь дерев...»	62
«Недурная собака Тимка...»	63
«Иду на Вы!» - сказал я небу...»	63
«Ах, белый свет такой пригожий!»	64
«Печальная раса себеедов...»	65
«Ну, вот и все... И снова – тихо»	66
Русский Гамлет	66
«Воздух пустой »	72
«Окрест меня – бессониц тысяч»	73
«Слеза луны. Формула нашего счастья...»	74
Примечания	79

Примечания

1. **Нико Пиросманашвили** – народный художник Грузии, бывший железнодорожник, который расписывал чайные, винные погребки и создал на обыкновенных клеёнках всемирно известные шедевры, для которых свойственна детская наивность при создании художественных образов.

2. **ОБЭРИУТЫ** – литературное объединение ленинградских поэтов (Н. Заболоцкий, К. Вагин, А. Введенский, Д. Хармс и др.), которые проповедовали детский примитивизм как художественный литературный приём, получивший позднее в литературоведении название *дадаизм*.

3. **Вертолёт** – просторечное название деревянной лежанки в камере гарнизонной дисциплинарной воинской тюрьмы, которую солдаты называют между собой ГУБА. Вертолёт днём пристёгивается специальным приспособлением к стене. Несмотря на то, что к этому приспособлению не положено выдавать получившим дисциплинарное наказание никаких спальных принадлежностей, включая одеяла и

подушки, вертолёт, как правило, кишит людскими паразитами – клопами.

4. **Катанга** – таёжная речка на севере Иркутской области.

5. «**Нихочу, куки, цыты, баки...**» - детское произношение: «Не хочу, куклы, цветы, собаки»

6. **См.** сноску под номером один.

7. **Лето** – имеется в виду одновременно и время года, и река забвения из древнегреческой мифологии, через которую мифологический герой Хорон перевозил с страну мёртвых души людей.

8. **Посрамихом** – древнерусское слово, означает – опозорю.

9. **Беззаконовахом** – древнерусское слово, означает – не придерживаясь ни каких законов.

10. **См.** сноску под номером один.

11. Цитата из пьесы В. Шекспира «Гамлет принц датский», перевод – М. Лозинского, сцена пятая.

12. **Заочье** – неологизм, обозначающий интеллектуально-социальное (дискурсивное) поле заочного обучения в вузе. Одновременно это что-то более индивидуальное, глубинное, находящееся по ту сторону очей – в душе.

13. «**Мой шарф до свидания машет Листве!**» - цитата из детской поэтической устной речи

дочери Маши, которую она произнесла примерно в лет пять, однажды, по дороге из детского садика домой.

Александр Гордин

ГОЛОС ОСЛЕПШЕЙ ПТИЦЫ

СТИХИ

Редакция автора.

*Рисунки Виолеты Метелицы, Сергея Соловьёва,
Юрия Селиверстова,
Александра Гордина. Фото Виктора Бутакова.
Использован стандарт-макет В. Тихомирова.*

А.Гордин. Автопортрет, г. Усолье-Сибирское, 2005 г.

Издаётся в авторской редакции
Подписано в печать 02.02. 2011
Формат 62×84¹/₃₂. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз.
Заказ 18/11
Отпечатано в ООО «Фрактал»
Г.Иркутск, ул. Коммунистическая, 65 «А»
Тел. 485-604, 24-82-88